

STEPHEN CHBOSKY

Photo credit Meredith Morris

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

IMAGINARY FRIEND

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

*Посвящается Ализ
и материам повсюду*

Благодарности

По поводу всех, кто перечислен ниже, могу только сказать, что без них не было бы этой книги. Вот те люди, которым я сердечно благодарен:

Лиз, Мэкси и Тео Чбоски

Уэс Миллер

Карен Коштолник

Бен Севиер

Эмад Ахтар

Луфия Риттенберг

Лора Джорстад

Лора Черкас

Эрик Смирофф

Джефф Горин

Лора Боннер

Келси Николь Скотт

Ава Деллейфа

Рэнди Луденски

Джилл Блотвогел

Робби Томпсон

Стейси, Джон и Дрю Даудл

Фред и Леа Чбоски

И наконец...

Эмма Уотсон — ею навеян финал, еще в пору съемок фильма «Хорошо быть тихоней»,

а также Стивен Кинг — им навеяно все остальное.

50 лет назад...

Не сходи с асфальта. оНи тебя не тронут, если не сойдешь с асфальта.

Малыш Дэвид Олсон понимал, что ему влетит. Как только мать с отцом вернулись, стало ясно, что дело плохо. Одна надежда была на подушку, которую он запихнул под одеяло — вроде как сам в кровати лежит. По телику такое видел. Ну не важно. Короче, выскользнул он из своей комнаты, спустился по ветке плюща, неловко приземлился и ушиб ногу. Но не сильно. Не так, как старший брат на тренировке по футболу. Терпимо еще.

Заковылял по Хейз-роуд. В лицо дышала сырость. Вниз по склону полз туман. Малыш Дэвид Олсон задрал голову: в небе висела луна. Полная луна. Вторую ночь подряд — полнолуние. Это называется «голубая луна». Ему старший брат объяснил. Есть такая песня, под которую иногда танцевали мама с папой. Когда еще жили счастливо. Пока Дэвид их не напугал.

*Голубая луна,
Ты стояла одна...*

В кустах послышался шорох. На мгновение малыш Дэвид Олсон подумал, что это, наверно, все тот же сон. Но нет. Понятное дело — нет. Он ведь изо всех сил боролся со сном. Хотя голова раскалывалась от боли. Ему во что бы то ни стало требовалось добраться до места именно сегодня вечером.

Его нагонял старый «Форд Мустанг», рассекая туман светом фар и грохотом рок-н-ролла; малыш Дэвид Олсон спрятался за столбик с почтовым ящиком. В автомобиле ржали двое парней. Во время призыва парни сплошь и рядом садятся за руль пьяными. По крайней мере, так отец говорил.

— Дэвид? — шепнул незнакомый голос. Ш-ш-шепнул. Ш-ш-ш.

Кто же его окликнул? Или померещилось?

— Эй, кто тут? — спросил Дэвид.

Молчание.

Не иначе как в голове зашумело. Это еще куда ни шло. А ведь могла оказаться шептунья. Не заснул на ходу — и на том спасибо.

Или заснул?

Дэвид посмотрел с горки вниз: у поворота на Монтерей-драйв светил здоровенный уличный фонарь. И мимо как раз проезжали те парни, увозя с собой все звуки. Тут Дэвид заметил чью-то тень. В лужице света остановился пешеход. Ждал и насвистывал. Насвистывал и ждал. А мотив звучал почти как

«Голубая луна».

У Дэвида на затылке волосы встали дыбом.

На углу тебе делать нечего.

Держись подальше от этого типа.

Чтобы сократить путь, малыш Дэвид Олсон пробирался задворками.

На цыпочках подошел к старой изгороди. Смотри, чтобы тебя не услышали. И не увидели. Ты сошел с асфальта. Это опасно. Подняв голову, он заглянул в окно, где молоденькая нянька обнималась со своим дружком — будто не слышала, как ребенок захочется плачом. Вот только плач смахивал на мяуканье. Дэвид по-прежнему был уверен, что это не сон, но поделиться ни с кем не мог — с каждым шагом такая возможность таяла. Он прополз под изгородью; пижамные штаны облепила мокрая трава. Ясное дело, от мамы этого не скроешь. Придется самому простирануть. Ну да ладно, ему не привыкать — в последнее время он снова начал по ночам писаться в кровати. И каждое утро застывал простыню. Не мог он допустить, чтобы мама узнала. Она станет вопросы задавать. А он и ответить не сумеет.

Вслух — точно не сумеет.

Он двинулся дальше, через рощицу за домом семейства Марука. Мимо качелей, которые смастерили мистер Марука с сыновьями. После трудового дня каждого из мальчишек всегда ожидало два кругляша печенья «Орео» и стакан молока. Малыш Дэвид Олсон пару раз приходил им помочь. Какое объеденье это «Орео». Особенно когда в молоко макаешь.

— Дэвид?

Шепот сделался громче. Дэвид оглянулся. Никого. Вгляделся туда, где заканчивались строения, — в темноту, рассеченную фонарем. Человечья тень исчезла. Да и самого пешехода след простишь. А вдруг он тут, за спиной? *Ох, только бы не эта шептунья. Только бы не провалиться в сон.*

Хрясь.

Сзади треснула сухая ветка. Забыв об ушибленной ноге, Дэвид бросился наутек. Через лужайку Прузансов — на Кармелл-драйв, оттуда налево. За спиной хрюпели псы. Подбирались все ближе. Но никаких псов не было. Одни звуки. Как сны. Как плач младенца-котенка. Погоня не прекращалась. Он прибавил ходу. Башмаки шлепали по мокрому тротуару. Шмяк-шмяк-шмяк — ни дать ни взять мокрые старушечки поцелуи.

Добравшись наконец-то до Монтерей-драйв, он свернул направо. И двинулся по самой середине дороги. Как плот по реке. *Не сходи с асфальта. Тебя не тронут, если не свернешь с асфальта.* С обеих сторон доносились шумы. Тихое шипенье. И собачий хрюп. И чавканье. И котята. И эти шепотки.

— Дэвид... Сверни с асфальта. Тебя машина съебет. Иди по травке, там безопасно.

Это был голос шептуньи. Дэвид его узнал. Поначалу голос у нее всегда приятный. Как у старательной учительницы, присланной на замену. А вглядишься — от приятности не останется и следа. Одни зубы да шипящая пасть. Жуткая, как злая ведьма. Страшней не бывает. То на четырех ногах, будто собака. То с длинной, как у жирафы, шеей. Х-с-с-с.

— Дэвид... Мама поранила ноги. Ступни в кровь изрезаны. Иди-ка сюда, помоги мне.

Шептунья заговорила маминым голосом. Так нечестно. А ей хоть бы хны. Она даже умела напускать на себя мамин вид. Один раз это подействовало. И Дэвид свернул с асфальта. А там, на траве, она с легкостью его заграбастала. После этого он двое суток маялся без сна. Она утащила его в дом с подвалом. И с печью.

— Помоги маме, негодник.

Это уже было сказано голосом бабушки. Но не самой бабушкой. Дэвид кожей чувствовал белые зубы шептуньи. *На зубы не смотри. Смотри вперед. Беги. Прячься в тупике. Ты сможешь сделать так, чтобы она исчезла навсегда. Доберись до последнего фонаря.*

— Х-с-сссссс.

Дэвид Олсон посмотрел вперед — туда, где в тупике горел последний фонарь. И прирос к месту.

Человек-тень вернулся. Стоял себе в лужице света. Ждал и насвистывал. Насвистывал и ждал. Сон, не сон — дело принимало скверный оборот. Но останавливаться было поздно. Дэвид сам принял решение. Чтобы добраться до места встречи, ему предстояло пройти мимо этого субъекта, прилипшего к фонарному столбу.

— Шшш-и-и-иссссс.

Шептунья приближалась. Сзади. Дэвиду Олсону вдруг стало холодно. Пижама отсырела. Даже под пальтишком. Иди вперед. Больше ничего не оставалось. Быть храбрым, как старший брат. Быть храбрым, как те парни-призывники. Быть храбрым и двигаться только вперед. Один шагок. Второй.

— Эй? — окликнул малыш Дэвид Олсон.

Фигура не ответила. Фигура не шелохнулась. Просто делала вдох-выдох, а из этого дыхания получались Облака.

— Эй? Ты кто? — спросил Дэвид.

Тишина. Мир задержал дыхание. Один башмачок малыша Дэвида Олсона коснулся светового круга. Фигура заерзала.

— Извините, мне пройти надо. Можно?

И опять тишина. Дэвид продвинул ступню чуть дальше. Незнакомец начал оборачиваться. Дэвиду подумалось: не вернуться ли домой? Но сперва требовалось закончить

дело. Иначе шептуню не остановишь. Теперь его ступня целиком оказалась в лужице света. Фигура опять заворочалась. Как просыпающийся истукан. Вслед за ступней — вся нога. Истукан поворачивался. Не выдержав, Дэвид шагнул на свет. Фигура бросилась к нему. Стонала. Тянула руку. Дэвид перебежал через световой круг. Фигура неслась позади. Чмокала. Вопила. Длинные ногти уже касались спины, пальцы так и норовили вцепиться ему в волосы, и тут Дэвид по-бейсбольному скользнул на твердое дорожное покрытие. Порвал штаны на коленке, но об этом думать не приходилось. Главное — он выбежал за пределы светового пятна. Фигура замерла. Дэвид был уже в конце улицы. Где тупик с бревенчатым домиком, куда вселилась парочка младоженов.

Малыш Дэвид Олсон старался не терять из виду обочину. Ночь выдалась безмолвной. Лишь где-то поблизости стрекотал сверчок. Ведущая к деревьям тропинка белела от небольшого клочка тумана. Дэвида охватил ужас, но останавливаться было поздно. Это ведь его решение. Нужно довести дело до конца, а иначе на шептунию не будет управы. И первым погибнет его брат.

Сойдя с проезжей части, малыш Дэвид Олсон зашагал дальше. Вдоль забора.

Через луг.

И в Лес Миссии.